

Проблема формирования интеллектуальной элиты общества в научно-публицистическом творчестве Г. П. Федотова

М. И. Матюшевская,
кандидат исторических наук доцент,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – богослов культуры, философ, историк, один из самых известных публицистов русского зарубежья. В качестве объекта своего научного изучения он выбирал вопросы, актуальные для всего XX в.: определение понятий «культура» и «цивилизация», «империя» и «имперское сознание». Г. П. Федотов дал описание терминам «русское христианство» и «русская святость», показал свое видение причин Октябрьской революции 1917 г., возникновения Первой и Второй мировых войн, а также тенденций исторического развития после их окончания. С помощью метода социологического портретирования он создал коллективные социальные портреты дореволюционного российского дворянства, бюрократии, буржуазии, народа, советского крестьянства, рабочих, служащих, нэпманов, партийных деятелей.

Особое внимание Г. П. Федотов уделял изучению социального портрета интеллигенции. В 1920–1930-х гг. интерес к данной теме проявляли многие русские мыслители-эмигранты. Наиболее яркими и известными публикациями, подготовленными ими, стали сборники статей «Вехи» [1], «Из глубины» [2]. По сравнению с работами современников, научно-публицистическое творчество Г. П. Федотова выделялось широтой охвата рассматриваемой проблемы. Ученый включал ее в контекст геополитики, культурологии, религиоведения, педагогики. В своих последних статьях, написанных в середине XX в., Г. П. Федотов сделал прогнозы будущего социального развития. Он не использовал понятия «глобализация», «общество потребления», «массовая культура», но удивительно точно описал их.

Одной из первых крупных работ Г. П. Федотова в данной области стала статья «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.). В ней, определяя научную значимость темы, Г. П. Федотов писал: «...Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории... мы имеем дело с одной из роковых тем, в которых ключ к пониманию России и ее будущего...» [3, с. 66–67].

Описывая интеллигенцию как особый социальный тип российского общества, Г. П. Федотов подчеркивал, что «...интеллигенция – категория не профессиональная. Это не “люди умственного труда”...» [3, с. 68]. «...Русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей...» [3, с. 71–72].

Этот парадоксальный тезис Г. П. Федотов раскрыл при помощи панорамной картины социальной истории России. По его мнению, уже в период Киевской Руси стал формироваться культурный разрыв между Западной и Восточной Европой, который в перспективе привел к отставанию развития восточноевропейской культуры. Причинами тому стали появление славянской Библии и литургии на славянском языке: «...В этом наше коренное отличие в самом исходном пункте от латинского Запада. На первый взгляд, как будто славянский язык церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции... На Западе, в самые темные века его (VI–VIII вв.), монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь овладеть этим чудесным ключом – латынью, чтобы им открылись все двери. В брожении языческих и христианских элементов складывалась могучая средневековая культура – задолго до Возрождения...» [3, с. 73–74].

Г. П. Федотов заключал: «...Монах и книжник Древней Руси был очень близок к народу – но, пожалуй, чересчур близок. Между ними не образовалось того напряжения, которое дается расстоянием и кото-

рое одно только способно вызывать движение культуры. Снисхождению учителя должна отвечать энергия восхождения – ученика. Идеал культуры должен быть высок, труден, чтобы разбудить и напрячь все духовные силы...» [3, с. 75].

Культурный мир Античности отодвинулся еще дальше в период Московской Руси, а при Петре I начался импорт в Россию западноевропейской культуры. В результате этих процессов произошел социальный раскол общества: в России появились «...два общества, два народа, переставших понимать друг друга...» [3, с. 80]. Разверзлась пропасть между дворянством и всеми остальными классами общества. «...Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной. Школы и книга делают орудием обезличения, опустошения народной души... Результат получился приблизительно тот же, как если бы Россия подверглась польскому или немецкому завоеванию, которое, обратив в рабство туземное население, поставило бы над ним класс иноземцев-феодалов, лишь постепенно, с каждым поколением поддающихся неизбежному обрусению...» [3, с. 80].

Г. П. Федотов подчеркивал условность данной схемы культурного развития послепетровской России: «...Для всех ясно, что эта схема откровенно “схематична”. Действительность намного сложнее, и даже XVIII век и русское барство, особенно в нижних слоях его, много народнее, чем выглядит на старинных портретах и в биографиях вельмож. Не все получали свой последний лоск в Версале. В саратовских и пензенских деревушках – я говорю о дворянстве... – XVII век затянулся чуть не до дней Екатерины. Обе культуры живут в состоянии интрамолекулярного взаимодействия. Начавшись революционным отрывом от Руси, двухвековая история Петербурга есть история медленного возвращения. Переменяясь с реакциями, но все с большей ясностью и чистотой звучит русская тема в новой культуре, получая водительство к концу XIX века...» [3, с. 81]. Тем не менее Г. П. Федотов был убежден, что культурное единство социальных верхов и низов общества в дореволюционной России до конца достигнуто не было.

Импорт западной культуры в России сопровождался процессом национального самоуничтожения – «мизопатрией», проявляющейся в презрении к своему быту, надругательстве над церковью, появлении идей, не связанных с почвой национальной культуры [3, с. 79]. К середине XIX в. этот процесс наиболее ярко выразился в секуляризации общественной мысли. По наблюдению Г. П. Федотова, «...нигилистическая проказа идет прежде всего из семинарий...» [3, с. 88].

В 1830–1840-х гг. культурные особенности развития России были осложнены социальным разложением дворянства: «...поколение отрешенных гегельянцев сделалось родоначальником русского либерализма и даже западнического консерватизма (Чичерин, Кат-

ков), но самые яркие его представители кончали свой век с евангелием материализма и социализма...» [3, с. 87]. К середине XIX в. дворянство окончательно потеряло свою культурную гегемонию. С командных высот его вытеснили разночинцы.

Разночинцы приняли часть духовного наследия дворян, в первую очередь их беспочвенную идейность. Внешне она носила атеистический характер. Однако в народническом и народофильском движении России 1860–1870-х гг. Г. П. Федотов видел природу христианской секты: «...Атеисты-народники отзываются о Христе всегда с величайшим уважением. Они проникнуты сознанием, что социализм обосновывается в христианской этике...» [3, с. 90]. Тот факт, что с 1879 г. «бродячие апостолы» стали политическими убийцами, автор объяснял эсхатологием их сознания: «...как нынешние апокалиптики видят в большевизме воплощенного антихриста, так народо-вольцы увидели его в царе...» [3, с. 92].

В либерально-народническом русле российской жизни сформировалась идейно-чистая и пассивно-стойкая русская интеллигенция. Она ушла из политической борьбы и окунаясь в будничную культурную работу. «...Это прекрасные статистики, строители шоссежных дорог, школ и больниц. Вся земская Россия создана ими...» [3, с. 94]. Но их либерализм не смог дать России ни одной новой идеи. Он не помог уйти от народничества.

Было еще одно направление, в котором русская интеллигенция искала для себя национальную почву, – наука. Она родилась в России в 1830–1840-х гг. прежде всего как историческая и филологическая наука. К концу XIX в. ее признал Запад [3, с. 86]. Наука несла с собой традицию и всечеловеческую связь, включала личность в цепь поколений. Профессионализм российских ученых, так же как и чувство личной ответственности врачей и инженеров, выводил их из состояния интеллигентской беспочвенности. «...Деловитость и интеллигентность несовместимы...» [3, с. 98]. Однако в России начала XX в. деятели науки не определяли судьбу своей страны.

На взгляд Г. П. Федотова, «...появление марксизма в 90-х гг. было настоящей бурей в стоячих водах... Новые классы – рабочие, промышленники, – прибывая к “просвещению”, начинают реальную, а не утопическую классовую борьбу... В этом свете понятен особый пафос классовой идеи в России и особая ненависть к интеллигенции в марксистском лагере. Для него “классовый” означало “почвенный”, “интеллигенция” – мир старой, отрешенной кружковщины XIX века...» [3, с. 98]. По оценке историка, в российском марксизме также присутствовала религиозная идея. Но, в отличие от народничества, марксизм был чужд политического идеализма. Поэтому за восемь лет – с 1906 по 1914 г. – народническая интеллигенция растаяла почти бесследно. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения заглушили ее последний слабый голос.

Мысли Г. П. Федотова, высказанные им в статье «Трагедия интеллигенции», получили дальнейшее развитие в его работе «Революция идет» (Париж, 1929 г.). В ней историк показал, что влияние русского дворянства на интеллигенцию сохранялось вплоть до 1917 г. Этим влиянием он объяснял презрение российской интеллигенции к черному труду, ведению хозяйства и даже спорту. «...Привыкнув дышать разреженным воздухом идей, она с ужасом и отвращением взирала на мир действительности... Отсюда пресловутый максимализм ее программ, радикализм – тактики...» [4, с. 144].

Причина такой социальной ситуации заключалась в системе образования дореволюционной России. Г. П. Федотов писал: «...Главным проводником дворянских влияний, настоящей машиной для переливки в дворянские формы демократической России была школа. Средняя и высшая школа создана у нас государством для надобностей дворянства и образования бюрократии. Такой характер она сохранила до самого конца. Неудачи профессиональных и коммерческих школ всего лучше свидетельствуют об этом. Процент дворян в средней школе и университете был невелик: русская школа чрезвычайно демократична по своему составу. Но какие-нибудь десять процентов дворян определяли характер школы, характер всего образованного класса...» [4, с. 146].

В России дворянин с высшим образованием, даже если он жил революционными идеями, в обществе оставался членом своего класса. Для «кухаркиных» и купеческих детей получение образования означало разрыв с семьей, с классом, с целой культурой: «...наша школа воспитывала в лености и барстве. Виной тому не одна ее программа и педагогические методы. Дворянин приносил с собою лень как наследственную привилегию. Разночинец разлагался в школе, потому что семья его была, в сущности, ей враждебна, не понимала ее смысла, могла пороть лентяя за единицы, но не могла приучить его к умственному труду.

Не давая навыков к умственному труду, школа убивала в разночинец вкус к труду физическому. Крестьянская девушка, попадая в уездную или сельскую гимназию, училась брэнчать на фортепьянах, но стыдилась помогать матери по хозяйству. Мыть полы, даже стряпать на кухне для барышни величайший позор... Белые руки были знаком благородства и культуры...» [4, с. 146].

Беспомощность в физическом труде влекла за собой физическую немощь. Интеллигент не мог защитить себя от физического оскорбления. Лишь офицерство получало иную школу, а потому в эпоху гражданской войны оказалось способным защищать свой национальный идеал. «...Масса российской интеллигенции тучнела или тощала в четырех стенах кабинетов – обреченный на заклание убойный скот революции...» [4, с. 147].

Еще более опасным, чем презрение к черному труду, было презрение дворян и разночинцев к ведению

хозяйства. Дворянство рассматривало управление своими вотчинами как обузу, но земля, отданная в аренду или управляемая заведомыми ворами-приказчиками, не могла быть источником появления хозяйственной этики. Промышленность, торговля были уделом черной кости. В социалистическом сознании разночинцев также не нашлось аргументов в защиту свободного хозяйства.

В результате, по оценке Г. П. Федотова, «...крестьянин видел перед собой непонятное, беспомощное существо, которое претендовало учить его, но вызывало его презрение. Оно было по-господски одето, говорило барским языком и хотя чем-то, несомненно, отличалось от настоящих господ, но для народа не было возможности входить в разбирательство оттенков во вражеском стане. Интеллигент всегда был для мужика барином, пока в один прекрасный день не был перекрыт в буржуя...» [4, с. 157].

Преимущество демократической культуры от культуры дворянства стала нарушаться в России лишь в конце XIX в. Г. П. Федотов отмечал: «...все отличие новой демократии от интеллигенции в том, что она не проходит через среднюю школу, и это образует между ними настоящий разрыв. Новые люди – самоучки. Они сдают на аттестат зрелости экстернами, проваливаясь из года в год. Экстерны – целое сословие в старой России. Экстерны могут обладать огромной начитанностью, но им всего труднее дается грамота. Они с ошибками говорят по-русски. Для них существуют особые курсы, особые учителя. Для них издаются всевозможные библиотеки “самообразования”, питающие их совершенно непереваримыми кирпичиками в невозможных переводах. Это невероятная окрошка из философии, социологии, естествознания, физики, литературы...» [4, с. 160].

В итоге кровное чувство экстернов – ненависть и зависть к тем, кто пишет без орфографических ошибок и знает иностранные языки. Г. П. Федотов подчеркивал, что «...зависть, рождающаяся из сознания умственного неравенства, сильнее всякой социальной злобы. Социалисты – они кричат о засилии в партии интеллигентов, литераторы – протестуют против редакторской корзины, художники – мечтают о сожжении Эрмитажа. Футуризм – в социальном смысле – был отражением завоевательных стремлений именно этой группы. Маяковский показывает, какие огромные и взрывчатые силы здесь таятся... Это они – люди Октября, строители нового быта, идеологи пролеткультуры...» [4, с. 161–162].

Экстерны тоже внесли свой вклад в науку дореволюционной России. В начале XX в. они имели свой университет, созданный Бехтеревым в Петербурге – «Психоневрологический институт». По оценке Г. П. Федотова, «...там было все свое, доморощенное – для экстернов, для полуграмотных. Уже тогда, вращаясь среди этой молодежи, можно было представить себе, каков будет большевистский университет...» [4, с. 161].

Советская Россия создала новую государственность, новые социальные классы и новую культуру. Изменения качественного состояния российского общества в этот период Г. П. Федотов наиболее полно описал в статье «Создание элиты (Письма о русской культуре)» (Париж, 1939 г.).

Суть произошедших в России перемен историк обозначил так: «...Каков бы ни был политический смысл русской революции, ее культурное содержание может быть описано, с крайней схематичностью, следующим образом: русская культура, доселе творимая и хранимая интеллигенцией, спускается в самую глубину масс и вызывает полный переворот в их сознании... Культура перестала быть замкнутой или двухэтажной. Старое противопоставление интеллигенции и народа потеряло свой смысл. От центра к периферии движение интеллектуальной крови совершается без задержек и сбоев. Россия в культурном смысле стала единым организмом. Этот факт непреложен и неотменяем. Никакие реакции и перевороты не могут изменить его: не могут отнять книгу у народа или воздвигнуть стену между массами и национальной культурой...» [5, с. 206–207].

То, что произошло в советской России, Г. П. Федотов не представлял как нечто странное и небывалое. Он указывал: «...Широкой волной текущая в народ культура перестает быть культурой. Народ думает, что для него открылись все двери, доступны все тайны, которыми прежде владели буржуи и господа. Но он обманут и обворован. Господа унесли с собой в могилу – не все, конечно, – ключи, – но самые заветные, от потайных ящичков с фамильными драгоценностями. Университеты открыты для всех, в России насчитывается до 700 высших школ, но есть ли хоть одна высшая школа, достойная этого имени, равная по качеству старому университету? В этом позволительно сомневаться. Рабочий или крестьянский парень, огромными трудами и потом стяжавший себе диплом врача или инженера, не умеет ни писать, ни даже правильно говорить по-русски. Приобретя изветный запас профессиональных сведений, он совершенно лишен общей культуры и, раскрывая книгу, встречаясь с уцелевшим интеллигентом старой школы, на каждом шагу мучительно чувствует свое невежество. Специалистом он, может быть, и стал – очень узким, конечно, – но культурным человеком не стал и не станет. И не потому, конечно, что у него не голубая кровь. В старой, полудворянской России “кухаркин сын”, пройдя через школу, мог овладеть той культурой, которая сейчас в рабоче-крестьянской России ему недоступна. Причина ясна и проста. Исчезла та среда, которая прежде перерабатывала, обтесывала юного варвара, в нее вступившего, лучше всякой школы и книг. Без этой среды, без воздуха культуры школа теряет свое влияние, книга перестает быть вполне понятной. Культура как организующая форма сознания распадается на множество бессвязных элементов, из которых ни один сам по себе, ни их сумма не являются культурой...» [5, с. 207–208].

Раскрывая свое видение пути дальнейшего развития культуры в советской России, Г. П. Федотов писал: «...Создание элиты, или духовной аристократии, есть задача, прямо противоположная той, которую ставила себе русская интеллигенция. Интеллигенция нашла готовым культурный слой, главным образом дворянский по своему происхождению и отделенный от народа стеной полного непонимания. Она поставила своей целью разрушить эту стену любой ценой, хотя бы уничтожения самого культурного слоя, ради просвещения народа. Опуститься самим, чтобы дать подняться народу, – в этом смысл интеллигентского “ке-нозиса”, или народничества... Народная школа была созданием интеллигенции, ее гордостью. Академия наук казалась роскошью, излишеством... Существование элиты в безграмотной стране считалось аномалией, чем-то вроде помещичьих оранжерей и крепостных балетов. Большевики, при всем своем марксизме, разделяли (и даже до крайности обострили) это народническое понимание культуры. Они сделали опыт: все для народа, ценою разрушения высших этажей культуры. Университет был полуразрушен, зато СССР гордится почти поголовной грамотностью. Но вот при первой попытке поднять эту грамотность хотя бы до уровня грамотности орфографической встретилось неожиданное (!) препятствие:... проблема кадров. Нет учителей. Чтобы создать народных учителей, надо иметь приличную среднюю школу, надо иметь университет. Так, на собственном, то есть народном, лбе большевики опытно проверили народническую философию культуры и отрицательно оправдали дело Петра. Да, в отсталой и девственно невежественной стране нужно начинать с Академии наук, а не с народной школы. Таким путем шел весь мир. Западная Европа имела «Академию» при Карле Великом, а народную школу лишь в XIX веке...» [5, с. 212–213].

По мнению Г. П. Федотова, создание элиты в советской России – дело не столь безнадежное, как может показаться с первого взгляда. Ядро элиты уже существует. В России работают ученые с мировым именем, выходят в свет художественные издания, книги по литературе и искусству. Старый режим оставил в наследство большевикам не только сотни ученых, но и тысячи аспирантов, которые своими знаниями подпитывают советскую науку. Поэтому прирост элиты может совершаться из трех источников: из подрастающих поколений старой интеллигенции, из нового правящего слоя и из народных низов.

Г. П. Федотов был убежден, что «...за внешними формами организации элиты и ее работы стоит ее духовная организация. Говорят нередко, что старая русская интеллигенция была орденской. Она имела не внешнюю организацию ордена, но его внутреннее самосознание. Была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы... Ныне поставленная на колени перед властью и народом, новая элита во имя достоинства культуры должна потребо-

вать и уважения к себе. Должна научиться бороться за свое собственное достоинство и право, умея отличать достоинство от интересов и право от привилегий. Она должна занять в обществе подобающее ей место: не привилегированной касты, но всеми признанной духовной аристократии. Место первого среди равных...» [5, с. 221].

В своих трудах Г. П. Федотов рассуждал не только о состоянии интеллектуальной элиты советского общества. С конца 1930-х гг. он осмысливал проблему в общемировом контексте.

В статье «Письма о русской культуре» (Париж, 1938 г.), анализируя особенности русской культуры, он проводил аналогии между СССР и Германией: «...Германия романтизма, Германия Бисмарка и Германия Гитлера – кажутся совершенно разными нациями...Столетие от Лессинга до Гегеля в самом деле венчало Германию королевой европейской мысли. За элитой мудрецов и поэтов стоял народ – трудолюбивый, честный, лояльный, добродушный. Двадцать лет (1848–1870), и... романтические мечты молодости сданы в архив. Трезвый, практический, с волевым упорством и методичностью, он строит великую науку, колоссальную индустрию, могущественное государство. Надо всем начинает доминировать “воля к власти”. Это путь, который в годы великой войны русская интеллигенция грубовато окрестила: от Канта к Крупну. Четыре года (1914–1918) сверхчеловеческого напряжения, и бисмарковский немец погиб. Его сменил немец Гитлера. Неврастеник, фантазер, разучившийся работать методически и отдавшийся во власть фантастической грезы...» [6, с. 168].

После окончания Второй мировой войны Г. П. Федотов отметил, что над руинами Европы возвысились два гиганта, два победителя, вознесенные мировой войной на небывалую высоту, – СССР и Америка [7, с. 310; 8, с. 227–228]. Достижению этой цели служит американский университет с его опорой на антропологию, психологию и социологию.

В статье «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.) Г. П. Федотов перевел проблему формирования интеллектуальной элиты общества в сферу геополитики. В этой связи ученый заключал: «...вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа...» [7, с. 315]. Применительно к будущему России он рассматривал данный вопрос как возвращение к заглохшей в веках традиции – истокам «русского христианства».

Научно-публицистическое наследие Г. П. Федотова сегодня способно вызвать различную реакцию в интеллектуальном сообществе – от горячей поддержки до жесткой критики. Этим всегда отличается творчество ярких, неординарных личностей. Бесспорно одно: в современной культуре Г. П. Федотов интересен не только с историографической точки зрения. Знакомство с его трудами способствует самопознанию, анализу причинно-следственных связей формирования той культурной традиции, к которой принадлежит наше общество. Г. П. Федотов ценен своим взглядом на историю высшей школы в дореволюционной России и СССР. Выполненный им анализ проблем этой школы также способен помочь нам в выявлении причин кризиса в системе высшего образования, который мы переживаем в настоящий момент.

Список литературы

1. Вехи: интеллигенция в России: сборник статей. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелухаева. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.
2. Из глубины: сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов [и др.]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 298 с.
3. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 66–101.
4. Федотов, Г. П. Революция идет / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 127–172.
5. Федотов, Г. П. Создание элиты (Письма о русской культуре) / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 206–227.
6. Федотов, Г. П. Письма о русской культуре / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163–187.
7. Федотов, Г. П. Судьба империй / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 304–327.
8. Федотов, Г. П. Запад и СССР [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: http://odinblago.ru/zapad_i_сср. – Дата доступа 15.08.2015.

Аннотация

В статье представлен анализ научно-публицистических произведений российского богослова культуры, философа и историка первой половины XX века Г. П. Федотова. В работах, написанных им в период эмиграции (Франция, США), вопрос формирования интеллектуальной элиты общества рассмотрен в контексте изучения особенностей развития российской культуры, начиная с эпохи Киевской Руси. Раскрыто видение Г. П. Федотовым проблем высшей школы России XIX – начала XX века и СССР.

Summary

The article presents an analysis of the scientific and journalistic works of Russian culture theologian, philosopher and historian of the first half of the twentieth century G. P. Fedotov. In papers written by him during the period of exile (France, USA), the question of the formation of the intellectual elite of society considered in the context of studying the characteristics of Russian culture from the era of Kievan Rus. Mr. Fedotov also presented his vision of the problems of higher education in Russia XIX – early twentieth century and the Soviet Union.